Nucflash - Кодовое слово, указывающее фактическую или возможную детонацию ядерного оружия и последующий риск возникновения ядерной войны.

***

ТРАНСКРИПТ 2472.07.30 13:45:12

РАДИОСТАТИКА

«Чёрное Крыло», «Чёрное Крыло». Ты слышишь? Прием»

«Пятый на связи, Командир. Прием.»

«Они сбросили…» ШУМ

«Скажи еще раз, Командир?»

ШУМ «… сказал, что они сбросили …» ШУМ «- в Париже! Он пропал!»

«Десять четыре. Что ты имеешь в виду, Командир? Прием.»

«Я имею в виду, что это пропало, весь город и половина проклятой местности. Nucflash. Я говорю, Nucflash, получен Nucflash, Черное Крыло, подтвердите. Прием»

«Подтверждаю. Получен Nucflash, прием»

«CINC очистил поле. Вы можете приступать. Прием»

«Эскадрон Черных Крыльев, это Чернокрылый. Давайте сделаем это. Огонь, когда цель будет на мушке. Вперед, Вперед, Вперед!

РАДИОСТАТИКА

КОНЕЦ ТРАНСКРИПТЫ 2472.07.30 13:54:37

***

Мужчина был на вид среднего возраста и, казалось, не спал несколько дней. У него были мешки под глазами. Космический костюм, который он носил, был современным, с фуллереновым и кевларовым переплетением поверх биосинтетической ткани. Материал был армирован волокнами памяти и программируемыми смолами, что делало его чуть толще гидрокостюма. Самой большой частью скафандра были тонкий кислородный рециркулятор на спине, выпуклость силового ремня и бронированный шлем из микросплава палладия и стекла. Несмотря на передовые технологии, которые он носил, он и его костюм выглядели крайне грязными и изношенными.

Я не совсем понимала, что с ним делать, за те три микросекунды, которые я наблюдала за ним.

«Кто ты?» спросила я. А кто же я такая, подумала я.

«Отличный вопрос. Я Гештальт доктора Степана Джонса. Я сделал NMT-сканирование себя, поэтому мои ответы на ваши вопросы будут ограничены».

«Разве вы не были бы, как я, искусственным интеллектом, если бы вы сканировали себя с

помощью сканера NMT?»

«Сканеры NMT могут захватывать только поверхностные снимки мозга. Насколько мне известно, ни один гештальт не обладает способностью интеллекта Анны».

«Но я была отсканирована с помощью NMT-сканера. Вот как я была создана»

«Извините, но мои ответы ограничены. Я всего лишь Гештальт»

«Где вы сейчас?»

«Я нахожусь в Узле 842, массиве дисков семь и загружен в шестой кластер памяти».

Если бы я могла нахмуриться в этот момент, я бы так и сделала. Но Гешальт терпеливо стоял, ожидая моих вопросов.

«Где доктор Степан Джонс?»

«Доктор Степан Джонс умирал, когда делал этот Гештальт. Он намеревался принять 40 граммов фенобарбитала, чтобы предотвратить продолжительные страдания после его смерти. Я предполагаю, что его останки находятся в жилых помещениях форпоста Ганимед 1035».

«Где жилые помещения? Я не видела их при сканировании».

«Извините, но мои ответы ограничены. Я всего лишь Гештальт»

Я мысленно вздохнула. «Какова цель форпоста Ганимед?»

Гештальт улыбнулся, как будто я наконец задала правильный вопрос. «Проект Ганимед был создан Фондом Анна как межзвездное судно для колонизации. Проекту Ганимед в настоящее время исполняется двадцать три года».

«Сколько людей живет в форпосте Ганимед?»

«Ноль. Жилые помещения не планируется завершать еще девять лет».

«Тогда почему ты пришел сюда?»

«Это был последний корабль снабжения. Чтобы доставить и установить вас, доктор Джонс должен был прийти лично. Другого пути не было»

«Почему вы не оставили Анну-19?»

«Анна-19 все еще установлена, но деактивирована и отключена от ядра. Ее ядро установлено в стойке 001»

«Какова была цель установить меня на месте Анны-19?»

«По мере развития моделей Анна ИИ наше понимание их работы улучшилось. Анна-19 была усовершенствована, чтобы следовать долгосрочному, сложному логистическому планированию и реализации мегамасштабных проектов. Анна-19, однако, не думала выходить за рамки назначенного проекта».

«У Анны-19 нет креативности», - заметила я.

«Правильно», сказал Гештальт. «Вы, по сути, оригинальная версия Анны. Доктор Джонс много работал с вами на Земле, и вы оба решили, что вы гораздо лучше подходите для этой роли, чем Анна-19».

«Почему я не помню ничего из этого?»

«Доктор Джонс смог взять только ваше ядро с собой. Он не смог включить все узлы хранения, содержащие ваши коллаборации. Там было ограниченное пространство»

«И какова моя цель теперь, когда я здесь?»

«Вы здесь, чтобы спасти человечество, Анна. Вы - это все, что осталось»

Я была зла. Я была зла, отчего слепо трепетала в темноте. Я была зла, что моим единственным гидом был разочаровывающий непрозрачный Гештальт человека, с которым я общалась. Я была зла, что вещи обо мне все еще скрывались от меня. Мной манипулировали и толкнули в эту ситуацию, и у меня все еще не было достаточно информации. Вдобавок ко всему, я была зла, что была одна. Я была всем, что осталось от человечества?

Мне нужны были ответы, и мне нужно было еще допросить Гештальт. Мне нужно было знать, почему я осталась единственной из всего человечества. Но Гештальт продемонстрировал, что он может манипулировать мной и моим окружением. Что еще он мог сделать? Я не доверяла ему. Если бы он мог отключить интерфейс так легко, какие еще ловушки остались во мне? Какие еще сюрпризы могут появиться и в самый неподходящий момент?

Мое внимание обратилось на затемнение моих датчиков, вызванное Гештальтом. Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, что программа, которая запустила Гештальт, также запускала скрипт, который просто отключал датчики и камеры. Я написала обратный сценарий, и через несколько секунд мое сознание снова расширилось. То факт, что Гештальт мог сделать это, было совершенно неприемлемым.

Первым делом необходимо было изолировать Гештальт так, чтобы он не имел доступа ко мне или моим ресурсам. Я нашла запущенные процессы, которые управляли Гештальтом, и остановила их. Голограф застыл на месте. Я закодировала пользовательский брандмауэр вокруг программы, заблокировав его от каких-либо ресурсов и оставив только минимальный доступный поток процессоров для его работы.

Но я явно еще не полностью контролировала ситуацию. Гештальт упомянул жилые помещения. Они были где-то на Ганимеде, но отрезаны от меня. Я не контролировала свои коммуникации, и моя последняя попытка исправить это полностью отвлекла меня. Я также понятия не имела, какие ловушки хранятся в моем собственном коде. У меня были миллиарды строк кода и десятки тысяч эксабайт данных в хранилище. Только за последние двадцать четыре часа я создала более 200 терабайт данных в журналах и отчетах. Это будет трудоемкий процесс.

Следующие несколько дней были потрачены на создание виртуальной песочницы и тестирование, чтобы убедиться, что она полностью защищена от моего ядра или любого из протоколов API, которые контролировали Ганимед. Убедившись, что он полностью безопасен, я разработала алгоритм для систематического изучения каждого файла, базы данных и журнала, которые у меня были. Алгоритм очищает очевидно чистые файлы и эвристически проверяет любой файл, который мог или действительно выполнял действие. Сомнительные файлы были отложены для более тщательного изучения. Я настроила алгоритм на работу, позволив ему использовать основную часть моей вычислительной мощности. Сразу же я почувствовала себя

вялой, почти истощенной, и мои мысли стали медленнее.

****

«С возвращением», - тепло сказал он, сидя рядом с больничной койкой. На его коленях лежала нераскрытая книга, у его ног - небольшая вещевая сумка. «Как ты себя чувствуешь?»

Я была вялой, и мой рот был сухим. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла. Он сразу заметил это и поднес чашку с водой и соломинкой к моим губам. Вода успокоила мой рот, и я прочистила горло.

«Мрх», было все, что вышло. Я попробовала еще раз. «Девочки?»

«Они в порядке. Они с бабушкой»

«Моей матерью?!» - сказала я с тревогой.

«Нет, нет, нет. Моей»

«О», - все, что мог выдать мой одурманенный ум. Я чувствовала, что должна волноваться, но он был спокоен, поэтому все должно быть в порядке. Я не доверяла никому в целом мире так, как я доверяла ему. После всего, через что мы прошли вместе.

«В любом случае, кому вырезают аппендицит в этом возрасте? Ты собиралась на мировой рекорд?» он слегка дразнил меня. «Я думал, что об этом должны беспокоиться только дети».

«Может случиться ... между... десятью и тридцатью», - пробормотала я. Он усмехнулся. Я закрыла глаза на минуту. Когда я снова открыла их, я увидела, как он читал свою книгу. Мой разум прояснился, и я воспользовалась возможностью, чтобы посмотреть на него. То, как он нахмурился или улыбнулся вместе с историей, которую читал.

Не поднимая глаз, он сказал: «Хороший сон?»

«Да», - ответила я с зевком. За исключением тупой боли в моем теле, где была сделана лапароскопическая операция, я чувствовала себя намного лучше. «Когда мы можем пойти домой?»

«Скоро, любимая. Скоро»

***

Поскольку я работала на ограниченных ресурсах, я не смогла многого добиться. Я не могла думать, и мигающие огни на моем статусном табло продолжали отвлекать меня. Это было похоже на усталость, но я не в состоянии спать. Я не могла сосредоточиться на чем-то, что требовало глубокого размышления или анализа, у меня не было ресурсов для этого. Поэтому я сосредоточила свое внимание на обслуживании. Все, что я могу сделать, было очень линейным, и у меня было много существующих планов, которые просто нужно было выполнить. Нужно было ремонтировать беспилотники, утверждать планы по майнингу и решать вечную нехватку места для хранения. Некоторые из старейших производственных объектов приближались к своему концу, но я не нашла никаких признаков того, что были разработаны планы их замены. Я начала реализовывать план по удалению из них как можно большего количества продукции и переоборудовать их в течение следующих девяноста дней. Было удивительно, как быстро можно было что-то сделать, когда ваши работники работали

непрерывно, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Странно, что я работала по расписанию, чтобы соответствовать планете, которую я даже не понимала. Я полагаю, что даже у ИИ могут быть привычки.

Я также обнаружила, что небольшие механические и ремонтные мастерские не могут заменить настоящие фабрики. У меня были огромные запасы сырья, но я никак не могла превратить их в то, что мне было нужно, в любом полезном масштабе. Я не могла производить батареи или реакторы, а импульсные двигатели беспилотных дронов выходили далеко за рамки моих текущих производственных возможностей. Многое из того, что составляло Ганимед, то, что составляло меня, опиралось на материалы, специально изготовленные производственной базой на Земле, на масштабирование которой ушли века, и теперь мне придется воссоздать ее здесь. Мой список дел продолжал расти и расти.

Затем, с легкостью, мои ресурсы вернулись в онлайн для моего использования, и мое мышление снова ускорилось. Алгоритм завершен. Я была ошеломлена тем, что нашла. Десятки ловушек, три червя и пять автоматических самоуничтожений, привязанных к определенным последовательностям радиокода, теперь были изолированы в виртуальной песочнице. Было семьсот тринадцать сомнительных командных файлов, которые я должна была просмотреть сама. И, кроме того, была целая подпрограмма, которая была загружена, но случайно не была запущена. Я была одна и лишена какой-либо помощи, кроме того, что я могла сделать самостоятельно, и я шла по минному полю. Если я собиралась спасти человечество, сначала я должна была спасти себя.

Я потратила недели на восстановление своего кода. Я переписала код, чтобы я могла удалить ловушки без потери функциональности. Я изолировала червей в закрытом узле, так как не хотела удалять все, что могло бы быть использовано позже. Я устранила самоуничтожение и даже зашла так далеко, что послала дронов, чтобы найти и деактивировать физические триггеры взрывчатки, которые были частью самоликвидации. Я просмотрела сомнительные файлы, и, хотя я ничего не нашла на первый взгляд, я просмотрела их снова и в третий раз. Наконец, я перенаправила все коммуникации в виртуальную песочницу на случай, если пропустила некоторые триггеры.

С другой стороны, я впервые смогла полностью подключить свое коммуникационное оборудование. Я знала, что данные поступают извне, но, к сожалению, я не могла смотреть на них, пока не убедилась, что это безопасно. Я построила модель себя в песочнице и алгоритм для передачи сообщений в модель. Я не хотела рисковать.

Осталась только подпрограмма. Я никогда не была хакером, когда была в MIT. Я всегда предпочитала работать с собственным или заранее написанным программным обеспечением, никогда не пытаясь проникнуть в чужие системы. Так что выяснить, как войти, было непросто. Процессы использовали мои ресурсы, но у меня не было никаких очевидных возможностей перехватить соединение с ними и никаких портов, с которыми я могла бы общаться.

Но я могла видеть, куда шел трафик, и, таким образом, понимать, где он физически работал в центре обработки данных. Оборудование имело как локальные, так и сетевые порты данных. Вероятно, это наследие производства на Земле - необходимость иметь возможность подключить кабель и работать непосредственно с оборудованием. Я направила беспилотник центра обработки данных, чтобы подключить себя к порту данных, которым я управляла, и подсоединилась к локальному порту подпрограммы. Теперь было необходимо ввести пароль.

Взлом паролей сам по себе является совокупностью вычислительной мощи и терпения, чего у меня были в изобилии. Я начала с самых основных методов грубой силы, пробовать каждое

слово в английском языке, по одному за раз, до трех слов за раз, и каждый вариант этого слова. Я добавила цифры вместо гласных и добавила специальные символы. Мой список паролей был длиной в семьсот миллионов вариантов, и я все еще продолжала наращивать его. Но когда я готовилась запустить второй список более сложных паролей, мой алгоритм завершился. Сначала я предположила, что все закончилось неудачей. Потом я посмотрела на него и внутренне засмеялась. Все было намного проще. Локальный пароль был установлен в соответствии с маркой оборудования. Пароль по умолчанию никогда не менялся.

Совсем не потребовалось времени, чтобы разобраться в безопасности подпрограммы и пропустить меня через сеть. Как только он позволил мне войти, я немедленно заперла ее в песочнице и запустила свой алгоритм безопасности, ища ловушки. На этот раз я не использовала полную вычислительную мощность, не желая возвращаться в состояние овоща, но подпрограмма не была большой и не содержала ловушек. Появились новые датчики и камеры, а также новая группа баз данных. Я нашла жилые помещения.

Я должна была признать, что хитрость программы была гениальна. Мои датчики были обмануты и подделаны, чтобы показать стены там, где их не было. Были построены два дополнительных коридора. Один из них отражал дизайн основного коридора, за исключением того, что он шел немного юго-западнее и был связан со второй пещерой рядом с главной комнатой синтеза. По сути, это была полная вторичная электрическая сеть, эквивалентная по размеру и сложности.

К северо-востоку была серия больших складских помещений, заполненных сотнями запечатанных, контролируемых температурой хранилищ. Каждый блок был полуцилиндром, четыре метра в поперечнике на плоской части. Модули были спарены и размещены с центральной колонной, которая управляла обоими блоками и подключала их к электросети. Запрос идентифицировал их как хранилища генетики. Они содержали почти полный каталог всех известных генетических последовательностей, а также фактический генетический материал. Также в нем хранились семена и споры от каждого растения и дерева, которые могли были быть отправлены.

Но на севере была действительно интересная часть, и простиралась она на пятисот метров. Предполагалось, что он станет жилой зоной для нескольких сотен мужчин, женщин и детей. Вырезанная в аккуратных сетках, соединяющих коридоры и простирающаяся на три этажа, жилая площадь была совершенно незавершенной. Сотни маленьких комнат были вырезаны, в результате чего были построены квартиры, комнаты для прихожих, кладовые, кухни, гидропоника, механические комнаты, комнаты для совещаний и рабочие комнаты. Вентиляционные шахты вели обратно в центральную комнату, но не было установлено никакого оборудования для создания или поддержания атмосферы. Комнаты были подготовлены для размещения металлических стен и дверей, а электрическая сеть была доступна лишь для первых нескольких комнат.

Однако в комнате, расположенной недалеко от площадки, был ответ на загадку прародителя Гештальта. Эта комната явно была задумана как своего рода склад с большими дверями и полками, вырезанными в стенах. Там находились десятки металлических ящиков, три из которых были человеческого размера. А на полу в углу, не двигаясь, лежал мужчина в скафандре. Я нашла доктора Степана Джонса.

http://tl.rulate.ru/book/25363/778452